

Матузов Н.И.

ОБЯЗАННОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КАК УСЛОВИЕ ДЕМОКРАТИИ И СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация: Предметом исследования является проблема соотношения прав и обязанностей человека, в частности, излишнего возвеличивания первых и умаления вторых, причины указанного дисбаланса, его отрицательные последствия, история возникновения и пути преодоления. Дается исторический анализ развития института обязанностей. В контексте темы предметом анализа стала ныне действующая Конституция РФ, ее минусы и недостатки, в частности, закрепления в ней обязанностей граждан, а также государства, его органов, должностных лиц. Предметом исследования являлась также международная практика, связанная с обязанностями человека и гражданина, их реализацией. В процессе исследования темы использовались диалектико-материалистический метод познания, а также исторический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический методы, метод научных абстракций, фактические данные, общесоциальная юридическая практика. Новизна исследования заключается в том, что в статье обосновывается необходимость устранения дисбаланса между правами и обязанностями человека, показывается, что обязанности являются неотъемлемым элементом демократии, условием социальной стабильности и правопорядка в обществе, что обязанности имеют такую же социальную ценность как и права. Автор вносит предложение о том, чтобы в Конституции РФ был усилен раздел об обязанностях граждан, а также государства, его органов, должностных лиц.

Ключевые слова: Права, обязанности, ответственность, свобода, культура, демократия, закон, Конституция, власть, политика.

Abstract: The subject of this research is the issue of correlation of human rights and obligations, in particular, the excessive elevation of the former and demotion of the latter, as well as the causes for this disproportion, its negative consequences, its origin and ways of overcoming it. The author conducts the historical analysis of the development of the institution of obligations. In the context of this topic, the subject of the analysis became the current Constitution of the Russian Federation, its flaws, especially in setting the obligations of citizens, as well as the state, its branches of government, and state officials. Attention is also given to the international experience pertaining to human and citizen obligations and realization thereof. The scientific novelty consists in the fact that this work substantiates the need to eliminate the disproportion between the human rights and obligations, and demonstrates that the responsibilities represent an integral part of democracy, as well as the condition of social stability and public order, and that obligations have as significant social value as the rights. The author proposes that the Constitution of the Russian Federation would emphasize the section on the obligations of citizens, as well as the government, its branches, and officials.

Keywords: Rights, Obligations, Responsibility, Freedom, Culture, Democracy, Law, Constitution, Authority, Policy.

Мысль о том, что демократия предполагает не только права, но и обязанности, сама по себе хрестоматийна, но от этого она не перестает быть вечно актуальной и практически значимой. Более того, когда эта бесспорная истина предается забвению, возникают серьезные проблемы. Ясно, что если бы все имели только права, но никто не нес никаких обязанностей, демократия была бы взаимно уничтожена, воцарился бы хаос. Обязанности скрепляют, цементируют демократию, делают ее более прочной, устойчивой и жизнеспособной. Без обязанностей невозможна сколько-нибудь упорядоченная, нормальная человеческая жизнь. Это значит, что социальная ценность обязанностей ничуть не меньше, чем ценность прав.

Обязанности – неперенный атрибут зрелого правосознания, когда отдельный индивид понимает, что права и свободы одного кончаются там, где начинаются права и свободы другого. «Люди, не ведающие своих обязанностей, – писал И.А. Ильин, – не в состоянии блюсти их; люди, не знающие своих полномочий, произвольно превышают их или же трусливо уступают силе; люди, не желающие признавать запретностей, легко забывают всякий удерж и дисциплину или оказываются обреченными на правовую невменяемость»[1, с. 24].

Создается впечатление, что именно это и происходит сейчас в России. На одном конце демократической оси – предельно широкий «ассортимент» прав и свобод; на другом – гораздо меньший по объему,

слабо отраженный в законодательстве перечень обязанностей и ответственности. Эта жизненно важная ось не уравновешена, имеет опасный крен в сторону прав и свобод, которые явно доминируют. К тому же ими довольно часто злоупотребляют. Общественное сознание, массовые настроения людей чутко улавливают этот дисбаланс и ведут себя соответственно.

А.И. Солженицын, например, считал что «понятие свободы у нас вознесено до полного отрицания обязанностей и до свободы от всякой ответственности. А между тем мы только до той грани – человеческие существа, пока чувствуем на себе, над собою наш долг» [2, с.47]. Как никогда, стало очевидно, что без обязанностей и ответственности личности не может быть ни подлинной демократии, ни подлинной свободы, ни должной стабильности.

Отрадно, что сегодня эту аксиому начинает осознавать наиболее продвинутая часть нашей интеллектуальной элиты. Так, известный кинорежиссер и общественный деятель Андрей Кончаловский убежден: «Культура – это прежде всего свод обязанностей, а не прав. И чем древнее культура, тем более устойчивы эти обязанности индивида. Мы же по-прежнему воспевает права» [3]. Примерно такие же идеи Андрей Кончаловский высказал в своем выступлении в Совете Федерации РФ 8 апреля 2015 года [4]. В других своих выступлениях, статьях, интервью А. Кончаловский неизменно подчеркивает, что подлинная культура начинается с соблюдения разумных табу, запретов, ограничений как внешнего, так и внутреннего характера (самоограничения). Права и свободы, дозволения и разрешения у него всегда стоят на втором, а не на первом месте.

Заметим кстати, что когда недавно ушел в мир иной всемирно известный руководитель Сингапура, то вся наша пресса, отдав должное этому действительно выдающемуся деятелю, стала во всех подробностях расписывать порядки и стиль управления им своим небольшим государством. И при этом не очень то обращала внимание на то, что в основе созданного им «Эльдорадо» лежали не права и свободы человека, не «суверенная» демократия, а хорошо продуманная система «деяний и воздаяний», то есть всевозможных табу, запретов, ограничений, обязанностей, а также неотвратимость наказания за их несоблюдение. Бросил окурочку мимо урны – штраф, плюнул в неположенном месте – штраф, превысил скорость на автотрассе – более серьезные последствия. При повторных нарушениях можно угодить и за решетку, не говоря уже о таких деяниях, как взятки, воровство, мошенничество и т.д. «Воздаяния» не могли избежать даже ближайшие родственники и друзья руководите-

ля государства. Закон суров и неумолим, правосудие работает четко, быстро и справедливо. Люди выработали привычку соблюдать предписанные нормы и правила жизни.

И.А. Ильин писал: «Освободи себя сам внутренне посредством добровольного самообязывания и только после этого ищи свободы через закон и под законом» [5, с. 319]. Упор на закон здесь более чем уместен, ибо еще Дж. Локк заметил: «Там, где нет законов, там нет и свободы» [6, с. 34].

По поводу состояния культуры и норм поведения в современной России весьма откровенно выразился такой опытный политик и государственный деятель, как Рамазан Абдулатипов: «Необходимо в корне менять нашу нынешнюю культурную среду, которая воспроизводит людей, настроенных «пожрать», «поиметь» и «оторваться», но при этом отчужденных от интересов общества, государства, от опыта социального бытия своего народа» [7].

В чем причины такого положения? Вообще-то, определенный разрыв между правами и обязанностями свойствен, как показывает мировой опыт, всем правовым системам, поскольку непосредственные интересы, запросы, потребности людей получают свое воплощение прежде всего в правах, а уже потом – в обязанностях. Но у нас этот разрыв принял, как и многое другое, гипертрофированные формы. Идеология прав человека заслонила собой все другие не менее важные ценности: справедливость, равенство, честь, достоинство, безопасность, гордость, стыд, совесть, дружба, преданность, доброе имя и др. Как известно, в свое время, защищая свою честь погипи Пушкин, Лермонтов. Вот что ценилось превыше всего! Здесь невольно вспоминаются слова того же И.А. Ильина: «Жить надо ради того, за что можно умереть» [8, с. 25].

Период российской реформации, особенно на начальном его этапе был периодом безудержного демократического романтизма. И на волне этой всеобщей эйфории, после многих десятилетий бесправия, репрессий, беззакония хотелось побыстрее избавиться от ненавистных пут административно-командной системы, произвола, провозгласить как можно больше всевозможных прав и свобод, что и было сделано. Общество было целиком поглощено правами, забыв о другой стороне диалектического единства.

В политологической литературе и в прессе не раз отмечалось, что в 90-е годы общественная позиция «мы лучше всех» поменялась на противоположную – «мы хуже всех». И надо теперь все делать как «у них». Вот и старались «догнать и перегнать». Поэтому можно понять сетования белорусской писательницы Светланы Алексиевич: «Мы очень грубо обошлись

со своим прошлым. Все разрушили без серьезных мыслей и планов на будущее» [9].

В действующей российской Конституции раздел о правах выглядит весьма внушительно и, по мнению многих, является ее «украшением». Он и в самом деле представлен достойно. В него записали все, что только можно было записать, перелистывая известные международные акты о правах человека и дословно копируя их, не думая о том, а можно ли все эти права реализовать в родном Отечестве? Государство добровольно взяло на себя обязательство уважать, соблюдать и защищать «широкие» права. Выполняет ли оно эти свои обязательства? К сожалению, нет. Или, во всяком случае, далеко не все. В 1991 г. была провозглашена российская декларация прав человека и гражданина, о которой все давно забыли.

Об обязанностях тогда никто особо не задумывался, ибо они казались делом третьестепенным и не очень-то нужным. Все были заиклены на правах, им «слагали гимны», ими гордились, восхищались, их объявили высшей ценностью. И этот во многом стихийный энтузиазм можно было понять – ведь речь шла о ломке старых устоев, о стремлении освободиться, как уже говорилось, от партийно-идеологических тисков, тотального контроля. Все это составляло одну из приоритетных задач демократических преобразований, было главным вектором развития и обновления России.

По инерции указанная тенденция продолжала действовать и в последующие годы. До сих пор права человека, особенно такие как свобода слова, печати, собраний, митингов, информации, политический плюрализм и другие, находятся в центре общественного внимания. О них много говорят и пишут, они постоянно у всех на слуху. Обязанности же по-прежнему – в тени, о них не вспоминают, не спорят, как будто такого института не существует. Все требуют только прав (которых, как шутят некоторые публицисты, уже на всех не хватает) и желательны без всяких ограничений. *Объективно произошла некая абсолютизация и фетишизация прав, превращение их в самоцель.*

Характерно, что в докладе Уполномоченного по правам человека РФ за 2014 год нет ни единого слова об обязанностях граждан, чиновников и госструктур. Хотя без них (обязанностей) не могут быть реализованы никакие права [10].

Трудно не согласиться с мнением венгерского ученого-правоведа Й. Вига о том, что «чрезмерное внимание к правам и оттеснение на второй план обязанностей человека, так же как и осуществление прав любой ценой, неблагоприятно влияет на отношения индивида и общества» [11, с. 45].

Не в этом ли одна из причин той вседозволенности, анархии, беспредела, которые мы нередко наблюдаем сегодня в обществе? Не в этом ли причина того, что многие замечательные права, провозглашенные в Конституции, практически не осуществляются, остаются на бумаге? Ведь хорошо известно, что добросовестное исполнение каждым своих обязанностей – первое условие и гарантия успешной реализации прав. «Обязанности и запретности укрепляют массовое правосознание, позволяют людям лояльно пользоваться своими правами и полномочиями» [8, с. 23, 24].

Весьма четко эту мысль выразил В.О. Ключевский: «Права без обязанностей – юридическая нелепость» [12, с. 65]. О важном значении обязанностей писал еще Цицерон [13].

Обязанности – необходимое условие оптимального взаимодействия государства, общества и личности. Без этого компонента невозможны ни сбалансированная политико-правовая система, ни эффективное правовое регулирование, ни четкий и разумный правопорядок, ни другие состояния и проявления общественной жизни. Обязанности – залог нормального функционирования конституционных институтов, управления социальными и экономическими процессами, поддержания устойчивости, дисциплины и стабильности в обществе. Причем это касается и рыночных условий. В Конституции ФРГ, например, записано: «Собственность обязывает». Подобные формулировки содержатся в Конституциях Японии, Испании, Италии и других стран.

Нельзя не отметить, что и в советской и постсоветской юридической литературе обязанностям уделялось неизмеримо меньшее внимание, чем правам. Последним посвящены сотни работ (монографий, диссертаций, сборников, материалов конференций, бесчисленное количество статей), в то время как обязанностям – единицы. В этом смысле им «не повезло». Поэтому логичным и своевременным было появление публикации А.И. Бойко по данному поводу [14, 15].

Конечно, различные аспекты юридических обязанностей так или иначе затрагивались и затрагиваются в работах по теории права, правоотношений, правового статуса личности и другим юридическим проблемам. Но именно затрагивались, как бы мимоходом, вскользь. Но крупных самостоятельных исследований по данной тематике практически нет. Отрадным исключением можно считать монографию конституционного судьи в отставке Б.С. Эбзеева [16, 17].

За последние 30 лет по теории государства и права были защищены только три кандидатские диссертации, посвященные обязанностям (В.Г. Левченко,

Б.М. Семенко, К.Е. Хачатуров) и ни одной докторской. Проведена одна специальная конференция [18]. Имеются отдельные публикации и диссертационные разработки в отраслевых правовых науках.

Между тем, обязанности лежат в основе право-порядка, который в свою очередь выступает юридическим фундаментом любой демократической государственной власти, всей системы управления обществом. Характерно, что еще в 1997 году, когда эйфория от разгула «демократуры» несколько спала, российская власть спохватилась и потому очередное президентское послание Федеральному Собранию было целиком посвящено наведению порядка в стране, устранению всяких беспределов. Одно название послания говорило само за себя [19]. В нем тогдашний глава государства вынужден был заявить: «Сегодня именно управленческую сферу я объявляю «зоной повышенного внимания, приоритетом номер один среди всех направлений текущей политики. У этого приоритета есть простое короткое имя – **Правовой порядок**» (выделено в тексте послания – Н.М.).

Думается, указанный приоритет и в наши дни является задачей номер один, более того, злободневность проблемы даже возросла, ибо должного порядка во власти как не было, так и нет. Нет и полноценной легитимности власти со всеми ее ветвями и структурами, в которых процветает правовой и моральный нигилизм, безответственность, коррупция. Поэтому система власти нуждается в модернизации не меньше, чем экономика, производство, рынок. А может быть даже прежде всего.

Корреляция прав и обязанностей создает уравновешенное общественное состояние, иначе говоря, режим наибольшего благоприятствования для нормальной повседневной жизнедеятельности людей. Такое сочетание выражает разумный баланс интересов всех членов и составных частей общества, способствует достижению согласия, взаимопонимания и социального компромисса между ними. Это – средство гармонизации интересов государствам, общества и личности, а также интересов граждан в их взаимоотношениях друг с другом. Иным путем добиться желаемого социального эффекта невозможно.

Юридическая обязанность – вид и мера государственно-целесообразного, разумного, полезного, объективно необходимого поведения субъектов, призванного вносить порядок и «умиротворение» в жизнь. Она – законная преграда на пути произвола, хаоса, своеволия, неорганизованности, всего деструктивного и мешающего нормальному развитию общества. Перед нами *властно-повелительная* форма социальной регуляции, опирающаяся на «силовое»

начало, то есть на возможность «заставить», принудить, наказать.

Принудительный момент, момент императивности, отличает юридическую обязанность от субъективного права. «Если известный минимум обязанностей, – писал русский ученый-правовед П.Г. Виноградов, – считается необходимым для существования общества, то на соблюдении его приходится настаивать во что бы то ни стало, не останавливаясь в крайнем случае даже перед употреблением силы» [20, с. 17]. В этом смысле не зря говорят: идея прав человека вовсе не противоречит идее сильной политики. Общее благо и порядок власть вынуждена нередко защищать и таким путем. И это не исключает демократии. Н.М. Коркунов эту мысль выразил так: «Если бы все общество состояло из людей святых, принуждение было бы совершенно излишне: каждый бы и так уважал чужое право и выполнял свои обязанности» [21, с. 70].

Юридическая обязанность тесно связана с субъективным правом; это парные, взаимозависимые понятия. Известно, что любая правовая норма имеет *предоставительно-обязывающий* характер и уже поэтому предусматривает как юридически **возможное**, так и **должное** поведение. Обязанность – способ обеспечения прав, условие их реальности и эффективности. Если субъективное право – это сфера власти и свободы индивида, то юридическая обязанность – область необходимости и подчинения. Носитель обязанности должен понимать и сознавать свою «несвободу» и связанность ради общего блага.

В обязанностях выражаются как личные, так и общезначимые интересы. Через обязанность удовлетворяется интерес управомоченного в любом правоотношении. Но обязанность отвечает также интересам самого правообязанного лица, а в конечном счете – целям и задачам всей политико-правовой системы. Без этих инструментов общество быстро превратилось бы в некий рыхлый и неуправляемый «анархо-синдикат» (Р.З. Лившиц). Обязанности придают обществу гражданскую устойчивость, равнозначную *экологическому равновесию*.

Функциональное назначение юридических обязанностей – корреспондировать субъективным правам, выполнять свою часть работы в общем механизме правового регулирования, направлять поведение индивидов в нужное русло, а социальное – формировать должное правосознание и правовую культуру граждан, служить дисциплинирующим фактором, упрочивать законность и правопорядок в обществе. Сущность обязанности заключается в *необходимости* требуемого законом поведения.

Все эти функции тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, осуществляются одновременно. Любые субъективные права практически могут быть реализованы только через чьи-то обязанности, и, наоборот, обязанности предполагают чье-то право требовать их исполнения. Вне корреляции друг с другом данные категории немислимы, они могут действовать только в «одной связке», а не порознь. Обязанности – обратная сторона прав.

Любопытное мнение высказал Г.Г. Бернацкий по поводу содержания статьи 2 Конституции РФ, в которой говорится, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Ученый полагает: «При буквальном толковании этой статьи получается, что она постулирует ценности классического либерализма – индивидуализм, подчиненность интересов государства интересам личности, доминирование частного блага над общим» [22, с. 64-66].

Далее автор обращает внимание на то, что в настоящее время ни в одной конституции мира подобных формулировок нет. Права балансируются с обязанностями, те и другие рассматриваются как равновеликие сущности. Личность и государство взаимно ответственны, их важность, приоритетность одинаковы, тесно взаимосвязаны. Вообще на Западе сейчас уже многие аналитики признают, что права человека вовсе не обязательно являются первичным по отношению к правам общества и государства. И сомнения в их первостепенной важности и ценности возникли не вчера. Так, еще в 1985 году немецкий ученый-правовед В. Бюхнер-Удер выпустил книгу под названием: «Права человека: утопия или реальность» [23].

Установление гармоничного сочетания прав и обязанностей было важнейшим требованием отечественной общественной мысли. Значение этого принципа хорошо понимали, в частности, русские декабристы. Они, помимо прочего, выдвигали идеи о том, что всякое государство может существовать «лишь на основе равновесия взаимных обязанностей и взаимных прав» (П.И. Пестель); что «невозможно согласиться с положением, когда все права находятся на одной стороне, а все обязанности – на другой» (Н.М. Муравьев) [24, с. 24, 35]. Такая постановка вопроса имела в то время огромное значение для пробуждения политико-правового сознания народных масс.

Многие корифеи науки не раз подчеркивали мысль о том, что без обязанностей человечество не может разумно организовать свою жизнь. В частности, Шарль Монтескье писал: «Если бы я мог сделать так, чтобы люди получили новые основания полюбить свои обязанности, свое отечество и свои законы,

чтобы они почувствовали себя более счастливыми во всякой стране... я счел бы себя счастливейшим из смертных» [25, с. 160]. Другие просветители также исходили из того, что не права, а обязанности лежат в основе жизни человека.

Французский правовед Леон Дюги, например, полагал, что «никто в социальном мире не имеет никакой власти, кроме как исполнять то, к чему обязывает его социальная норма, или, если угодно, к чему обязывает его положение, занимаемое им в системе взаимозависимостей, соединяющих членов одной социальной группы» [26, с. 102]. Правда, Л. Дюги зашел слишком далеко в абсолютизации обязанностей, придя к полному отрицанию субъективных прав; он заменил их понятием *социальных функций*.

Однако ясно, что каким бы высоким статусом ни обладали обязанности, какую бы важную роль ни играли в общественной жизни, они все же не должны вести к отрицанию или умалению прав индивида. Иначе можно впасть в другую крайность. Речь должна идти не о противопоставлении прав и обязанностей, а об их взаимодействии, корреляции, равном внимании к ним, о том, чтобы они заняли подобающее место в системе «личность – семья – общество – государство – социальная группа». Именно так ставился вопрос в исторических исследованиях данной проблемы [27, 28, 29]. Об этом писал в своем знаменитом трактате Цицерон, а также Т. Гоббс в не менее известном труде «О гражданине» [30, 31].

Обстоятельный обзор взглядов и источников, касающихся обязанностей, дан Б.С. Эбзеевым в его книге «Конституция. Демократия. Права человека». Он, в частности, проанализировал идеи и высказывания Г. Гроция, Ж.Ж. Руссо, Дж. Локка, А. Эсмена, П.А. Гольбаха и др., справедливо считая, что «обращение к гносеологическим, историческим и конституционным истокам обязанностей человека и гражданина имеет существенное теоретико-познавательное и практическое значение» [32, с. 64; 33, с. 325]. Действительно, в осмыслении нуждаются генезис, эволюция и дальнейшее развитие этих явлений. Совершенно очевидно, что институт обязанностей должен занять в юридической системе общества такое же место, как и институт прав.

В данной связи особый интерес представляет названная выше работа С. Пуфендорфа «Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному». Само название этого труда, как видим, говорит о том, что обязанности выводятся из естественного права и, следовательно, носят такой же естественный, прирожденный характер, как и основные права. Значит, и отношение к ним должно быть такое же.

В свое время деятелей французской революции упрекали за то, что они провозглашенную ими Декларацию о правах человека и гражданина 1789 г. не дополнили Декларацией об обязанностях. Попытка восполнить этот пробел была предпринята позднее, в Конституции 1795 г., а затем в Конституции Директории 1848 г. В последнем документе закреплялись в виде обязанностей известные христианские заповеди: «не делайте другим того, чего бы не желали себе; делайте другим то благо, которое вы желали бы иметь от них; никто не может считаться гражданином, если он одновременно не добрый сын, не добрый отец, не добрый брат, не добрый муж, не добрый друг».

Затем была принята специальная Декларация об обязанностях, в которой говорилось: «Все обязанности человека и гражданина развиваются из следующих двух основных положений, запечатленных природою во всех сердцах: не причиняйте другому человеку того, чего вы не желали бы претерпеть от других; творите постоянно другим то благо, которое вы желали бы от них получить». И снова мы видим, что обязанности человека, как и его права, имеют естественное, а не государственное происхождение, что у них одни и те же исторические корни, уходящие не во власть, не в законы, а в реальную жизнь людей как разумных существ.

Принцип сочетания прав и обязанностей получил отражение в принятой ООН Всеобщей декларации прав человека 1948 г., провозглашающей, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности», что осуществление прав и свобод гражданином требует «должного признания и уважения прав и свобод других, удовлетворения справедливых требований морали, общего порядка и благосостояния в демократическом обществе».

В Международном пакте о гражданских и политических правах 1974 года также зафиксировано, что «отдельный человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит». Исходя из этих общих положений, соответствующие государства закрепляют в своем законодательстве более развернутый перечень обязанностей применительно к конкретным «условиям и национальным интересам. При этом речь, конечно, идет не только об обязанностях граждан, но и об обязанностях органов власти, должностных лиц, других структур».

В период «перестройки» тезис о единстве прав и обязанностей был подвергнут у нас острой критике [34]. Для этого имелись определенные основания,

ибо в советском прошлом названный принцип оказался сильно идеологизированным и гипертрофированным, доведенным до крайних пределов. Он рассматривался как часть более широкой концепции о перерастании (слиянии) прав и обязанностей «в единые правила коммунистического общежития». Причем этот процесс искусственно форсировался, так как считался неременным условием построения «светлого будущего».

На практике многим правам нередко придавалось столь же непререкаемое (императивное) значение, как и обязанностям (например, праву участвовать в выборах, праздничных демонстрациях, разного рода соревнованиях и т.д.). Дебатировался даже вопрос, наказуем ли отказ от права? Вообще, многое тогда строилось не на законах, а на командах и волевых решениях. Действовало «партийное право». Были и другие перекосы в данной проблеме, заслуживающие негативной оценки. В частности, на первый план обычно выдвигались и постоянно подчеркивались обязанности граждан перед государством и почти ничего не говорилось об обратной связи – обязанностях государства перед гражданами. Такого рода обязанности даже не были закреплены в Конституции.

Однако важно в процессе критики всех этих аномалий не выплескивать вместе с водой и ребенка, то есть отрицать любую корреляцию (единство, сочетание, взаимодействие) между правами и обязанностями. Принцип единства прав и обязанностей, как отмечалось выше, вытекает из международных пактов о правах человека, из признания взаимной ответственности государства и гражданина, общества и личности. Да и вообще, всякое человеческое общежитие покоится на этих началах.

Как ни затаскан у нас был известный марксистский постулат о том, что нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав, он в основе своей верный. Концепция «слияния» прав и обязанностей была некорректной как идея, ориентированная на скорейшую победу «коммунистических отношений». В этом качестве данная идея, конечно, себя дискредитировала. Но как форма взаимодействия указанных феноменов в определенных общественных связях и моделях она остается в силе.

Во многих случаях «слияние» прав и обязанностей происходит не потому, что кто-то так предписал, и не потому, что повинна «система», а в силу объективного характера тех взаимосвязей, которые опосредуются правом. Система здесь ни при чем, такие «парадоксы» наличествуют в любом обществе. Иными словами, тезис этот отнюдь не советский, а общесоциальный и общеправовой.

Когда говорят, например, что одно и то же действие одного субъекта в одном отношении правом и обязанностью быть не может, то это правильно. В одном – да, а в разных? Именно в этом заключается ускользающий от внимания нюанс. Действие одно, но борется оно и оценивается законом и теорией по-разному, в зависимости от того, к кому или чему относится. Кстати, по этой причине, согласно диалектике, одно и то же явление может выступать как формой, так и содержанием, как причиной, так и следствием. И ни у кого это не вызывает сомнений.

Например, родители, с одной стороны, имеют *право* на воспитание своих детей, а с другой – несут *обязанности* перед государством и обществом по поводу их надлежащего воспитания. И когда, скажем, мать ребенка лишают родительских прав, то ей напоминают именно об этой ее обязанности, которую она не исполнила. Но не странно ли: отнимают *право*, а толкуют об *обязанности*? Ничего странного – просто одно и то же поведение матери рассматривается в разных ипостасях: по отношению к ребенку она не сумела реализовать свое право, а по отношению к государству не исполнила обязанность, предписанную законом. В ее действиях и в сознании фактически произошло то самое «слияние» должного и возможного, которое вызывает возражение.

В статье 38 (п. 2) Конституции РФ говорится: «Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей». Статья 63 Семейного кодекса РФ гласит: «Родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей». Право и обязанность здесь неразделимы.

Другие примеры. Прокурор по отношению к гражданину вправе выдать санкцию на арест, если тот преступно нарушил закон. В то же время он обязан это сделать в силу своего служебного долга. Да и любое должностное лицо вправе и обязано («по инструкции») совершать определенные действия. В этом суть компетенции представителя власти, облеченного необходимыми полномочиями.

В общей теории права давно признано, что «нередко возможность действовать, предоставляемая лицу нормами права, составляет вместе с тем и его обязанность. Таковы, например, полномочия должностных лиц. Осуществление своих прав в отношении граждан и организаций является в то же время обязанностью по отношению к государству и его органам» [35, с. 462, 463].

Когда-то, на заре цивилизации, между правами и обязанностями вообще не проводилось никакого различия; в представлениях людей и в их повседневной жизни – они были «слиты» воедино. «Для индейца,

– писал Ф. Энгельс, – не существовало вопроса, является ли участие в общественных делах, кровная месть или уплата выкупа за нее правом или обязанностью; такой вопрос показался бы ему столь же нелепым, как и вопрос, являются ли еда, сон, охота – правом или обязанностью» [36, с. 159]. Затем эти понятия разделились, но тесная взаимосвязь между ними осталась.

Любопытны суждения на этот счет крупного дореволюционного ученого-правоведа, сторонника русской национальной идеи и монархической государственности Л.А. Тихомирова. «Плодотворно только то право, – пишет он, – которое видит в себе не что иное, как обязанности. Мало проку в тех правах, которые не чувствуют себя обязанностями. Право, которое не есть обязанность, оказывается мыльным пузырем; ничего не выходит из него и ни к чему не ведет оно. Такое право есть не сила, а слабость. Сознание права всюду вытекает из сознания обязанности, долга. Правом человек может легко поступиться. Долгом же своим он не властен поступиться. Таков моральный и здоровый путь выработки крепкой личности» [37, с. 612].

Другие русские теоретики права, в свою очередь, подчеркивали: «Субъективные права и обязанности возникают одновременно, тесно взаимосвязаны и соответствие между ними не нарушается никогда» [38, с. 234]; «они стремятся к единству, тождеству, совпадению» [39, с. 172]. Мысль выражена четко и однозначно.

Проблема единства, сочетания прав и обязанностей многопланова. В ней можно выделить ряд аспектов: *исторический, социально-политический, философский, юридический, нравственный, психологический*. В таком широком диапазоне она обычно и ставится в общей теории права. Мы коснулись лишь некоторых из них. Однако ясно, что права и обязанности, будучи самостоятельными категориями, «обречены» на тесное сотрудничество в деле регулирования общественных отношений. «Корреляция субъективных прав и обязанностей аксиоматична для философии права, общей теории права и отраслевых юридических наук» [40, с. 21].

Как уже отмечалось, в нашей специальной исследовательской литературе предпочтение традиционно отдавалось правам, а не обязанностям. В результате категория *юридической обязанности*, в отличие от понятия субъективного права, оказалась теоретически менее разработанной. В частности, долгое время оставалась нераскрытой структура обязанности. И лишь в последние 10-15 лет элементный состав названной категории был наконец выявлен, в том числе и автором этих строк.

Оказалось, что структура юридической обязанности полностью соответствует структуре субъективного права (являясь как бы ее обратной стороной) и тоже включает в себя четыре элемента, а именно: 1) *необходимость совершить определенные действия либо воздержаться от них*; 2) *необходимость для правообязанного лица отреагировать на обращенные к нему законные требования управомоченного*; 3) *необходимость нести ответственность за неисполнение этих требований*; 4) *необходимость не препятствовать контрагенту пользоваться тем благом, в отношении которого он имеет право*.

Напомним для сравнения, что субъективное право как гарантированное законом вид и мера юридически возможного (дозволенного, разрешаемого, допускаемого) поведения лица содержит в себе следующие слагаемые: 1) *возможность положительного поведения самого управомоченного, то есть право на собственные действия*; 2) *возможность требовать соответствующего поведения от правообязанного лица, то есть право на чужие действия*; 3) *возможность прибегнуть к мерам государственного принуждения в случае неисполнения противоположной стороной своей обязанности (притязание)*; 4) *возможность пользоваться на основе данного права определенным социальным благом*.

Как видим, совпадение элементов – один к одному; полная симметрия. Если субъективное право есть открытая для индивида *возможность* действовать, то обязанность – предписанная *необходимость* действовать. Носитель субъективного права называется в юридической науке *управомоченным*, носитель обязанности – *правообязанным*.

Конкретизация прав и обязанностей, раскрытие их юридической природы, внутренней структуры, механизма действия имеют важное значение для характеристики демократии, политико-правовой системы. Иными словами, реальность, эффективность демократии во многом зависят от того, насколько полно реализуются права и насколько строго и неукоснительно исполняются обязанности – это парные, взаимозависимые категории. В отрыве друг от друга они не в состоянии достичь своих целей, выполнить свои функции.

Проблема единства прав и обязанностей есть проблема согласования личных, общественных и коллективных интересов, их гармонизации. Это единство, как считал Н.В. Витрук, «не всегда четко прослеживается на уровне законодательства, но оно легко обнаруживается в процессе непосредственной реализации прав и обязанностей» [41, с. 217].

Нельзя забывать и об этической стороне обязанностей, ибо в них заключен не только правовой, но и моральный, общественный долг гражданина, его связь с окружающими. «Нравственное воспитание людей в том и состоит, чтобы привить каждому из них сознание своих обязанностей по отношению ко всем остальным» [42, с. 678]. Юридические предписания – это в то же время и нравственные веления, хотя последние, конечно, намного шире и не охватываются полностью законом. Юридические обязанности есть лишь минимум требований, предъявляемых обществом к личности. Максимум выражает мораль. «Авторитет нравственных законов бесконечно выше правовых», писал Гегель [43, с. 21]. Мораль – оселок, эталон права.

Гегель различает обязанности человека перед самим собой, перед семьей, перед государством и перед другими людьми. И при этом подчеркивает, что все они «взаимосвязаны, коррелятивны, иначе целое распалось бы» [43, с. 61]. Целое – это значит комплекс взаимоотношений между названными субъектами. Обязанности пронизывают собой весь социальный организм снизу доверху и обратно, в значительной мере оздоравливают и стабилизируют его, не допуская «войны всех против всех» (Гоббс).

В литературе справедливо отмечается, что в ходе демократических преобразований в нашей стране была допущена одна из самых серьезных ошибок, а именно «проигнорированы нравственно-духовные и исторические традиции России, вследствие чего оказалась разрушенной вся система моральных ценностей. Между тем не вызывает сомнения, что кризисные явления в разных сферах общества по отношению к моральному кризису вторичны. Духовное банкротство – явление более глубокое и опасное, чем падение объемов производства» [44, с. 48].

А.И. Солженицын утверждал, что «целью России является не свобода, демократия и права человека, они лишь средства для достижения более высоких целей. Мы должны строить Россию нравственной во всех отношениях» [2, с. 64].

Выдающийся русский юрист П.И. Новгородцев считал, что из самого понятия личности вытекают не только ее притязания, но и ее обязанности. Входя в общение с себе подобными, личность не может отрицать их прав иначе, как отрицая свою собственную сущность и свои права. Отсюда рождается обязанность взаимного признания. В принципе общественные обязательства предъявляются личности ее собственным законом, присущим ей стремлением к идеальной норме [45, с. 111].

Идеологи французской революции подчеркивали, что провозглашение основных прав одновременно

является объявлением основных обязанностей. Выдвигалась формула: «Соблюдение моего права является твоей обязанностью, соблюдение твоего права является моей обязанностью». Необходимость взаимно уважать права друг друга и нести при этом взаимные обязанности является сегодня общепризнанной аксиомой, она закреплена в Уставе ООН, а также и во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

В программном документе английской революции «Соглашение между людьми» (1647–1649) были впервые определены взаимные права и обязанности между членами общества, а также между гражданами и государством. Это была попытка уравновесить права и обязанности всех участников социального общения. Ибо объективной основой прав и обязанностей выступают одни и те же конкретно-исторические условия, условия человеческого бытия.

В настоящее время мировым сообществом осознана необходимость в принятии специальной Декларации обязанностей человека и гражданина. Вопрос этот активно обсуждается на различных международных форумах. Цель – поддержание равновесия между правами и обязанностями, свободой и ответственностью личности. В 1997 г. в ООН уже в практическом плане обсуждался проект Всеобщей декларации обязанностей человека, в которой содержалось 19 наиболее принципиальных статей. Среди них, например, такие, как «Честность», «Правдивость», «Терпимость», «Ответственность», «Справедливость» и др. Жаль, что она до сих пор не принята.

Потребность в указанном акте вытекает из крайне усложнившейся современной действительности, многочисленных социальных и природных угроз, необходимости организации нормальной совместной жизнедеятельности людей, стран, народов, создания устойчивого и гарантированного мирового правопорядка и взаимной ответственности. Для достижения этих целей одних деклараций о правах недостаточно, как и ничем не ограниченной («абсолютной») свободы и демократии.

В отечественной литературе также выдвигается идея о принятии своего рода этико-правового кодекса обязанностей [46, с. 264–270]. Он призван поднять социальный статус юридических обязанностей, морально-правового долга, позитивной ответственности. Предлагаемый кодекс должен закрепить взаимные обязанности общества, государства и гражданина в различных областях. Причем имеются в виду как естественные обязанности, так и «благоприобретенные».

Причем в нынешних условиях очень важно четко прописать и конкретизировать именно обязанности власти, всех ее ветвей, структур, чиновников, ибо

одной общей (абстрактной) конституционной нормы о том, что «признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2), явно недостаточно. Вообще в соответствии с принципами гражданского общества правительственная власть должна быть снабжена не столько правами, сколько обязанностями. Тем более что многие права граждан сформулированы в Основном Законе весьма расплывчато: «каждый может», «каждый вправе», «каждому гарантировано» и тому подобные фразы никого ни к чему не обязывающие. Без учета своих обязанностей государство не может выстроить правильную и эффективную правовую политику.

Дисбаланс в отношении личности и государства – явление не новое, такая проблема стояла всегда. На это обращали внимание представители русской правовой школы. В частности, Б.А. Кистяковский писал: «Государство в правовой области есть все, а отдельные граждане, приобретая гражданство или качества гражданина в силу государственно-правового порядка, представляют собой перед лицом государства как бы правовое ничто» [47, с. 499]. Вот это бессилие «маленького человека» перед государством-левиафаном в какой-то мере остается до сих пор.

Отрицание обязанности государства перед гражданином имеет свою историю. Были ученые, которые считали, что «государство свободно от обязанностей по отношению к отдельному индивиду, а если таковые и имеет, то они должны рассматриваться как долг государства, не имеющий юридического содержания» [48, с. 393]. Подобные идеи высказывал Т. Гоббс, полагавший, что государство ответственно только перед Богом и не перед кем другим. В наше время такие взгляды уже никто не разделяет. Напротив, Уставом ООН на все государства возложена обязанность уважать и соблюдать права человека, создавать благоприятные условия для его жизнедеятельности. Эти положения закреплены и в ряде других международных документов, в конституциях отдельных государств, в том числе Российского.

Не случайно в последнее время в связи с падением уровня доверия к власти, невыполнением ею многих своих обязательств (особенно в социальной сфере, в сфере обеспечения личной безопасности) и ослаблением правозащитных функций вообще *возросла и степень требовательности к государству, его обязанностям и ответственности перед гражданами*. От него ждут более эффективной и результативной деятельности, максимального использования тех возможностей и инструментов, которыми оно располагает. И, конечно, соблюдения собственных законов. Нормативное закрепление обязанностей государства

имеет прежде всего важное морально-политическое и психологическое значение. На это справедливо обращается пристальное внимание в литературе [49, 50]; [51, с.37-44].

Вместе с тем граждане должны не только иметь «широкие права», но и нести обязанности, соблюдать законы, правопорядок, общественный долг [52]. Синхронизация прав и обязанностей, деяний и воздаяний – одно из важнейших проявлений справедливости. Перекос в любую сторону неизбежно ведет к отрицательным последствиям. Например, одни только права не дают и не могут дать исчерпывающего представления о реальном положении личности в обществе.

Принцип единства прав и обязанностей проявляется не только в рамках правоотношений, но и в рамках правовой системы в целом. Взаимные права и обязанности корреспондируют друг другу не только в конкретных отношениях между конкретными субъектами, но также в общерегулятивных правоотношениях, где граждане в силу своего общего правового статуса обязаны соблюдать законы, предписания правовых норм, а государство вправе требовать этого. В то же время деятельность государства должна быть направлена на создание необходимых условий для реализации гражданами своих прав и свобод.

«Организация правовой системы основана на симметрии прав и обязанностей. Когда этот баланс нарушается, общество оказывается перед лицом нежелательных явлений» [53, с. 12]. Именно в таком асимметричном состоянии и находится сегодня российская юридическая система. Это выражается прежде всего в несогласованности общедолевого и регионального законодательства, в многочисленных внутренних и внешних правовых коллизиях, неэффективном нормотворчестве, отставании права от жизни, инфляции противоречивых предписаний, дисбалансах [54].

Обязанности выполняют в правовой системе важные многоцелевые функции. Они выступают как: 1) меры, виды, указатели общественно необходимого поведения; 2) элементы правового статуса личности; 3) необходимое звено в механизме правового регулирования; 4) средство формирования правосознания и самодисциплины гражданина; 5) предпосылка и условие демократии; б) фактор стабильности и правопорядка в обществе. Они же служат и ограничителями свободы индивида, но эти ограничения воспринимаются в массе своей как полезные, целесообразные, необходимо установленные в интересах самих же носителей обязанностей.

Права плюс обязанности, свобода плюс ответственность – такова аксиома нормальной жизнедеятельности людей. Это разумно, справедливо, демо-

кратично. Нарушение данного принципа, в сущности, всегда является социальной аномалией. Обязанности – реестр требований, предъявляемых обществом к личности. Причем с юридической точки зрения требования эти выражают политико-нравственный минимум, а не максимум. Максимум, как уже отмечалось, выражает мораль.

К сожалению, в действующей Конституции РФ обязанности граждан отражены весьма слабо. В ней зафиксирована лишь необходимость соблюдать Конституцию и законы, платить налоги, заботиться о детях, сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам, историческому и культурному наследию, нести военную службу, защищать Отечество (ст.15, 38, 44, 57– 59). В нынешних российских условиях обязанности как важный дисциплинирующий фактор не менее необходимы, чем права.

Резкий дисбаланс между правами и обязанностями, зафиксированными в Конституции, обычно объясняется тем, что если первые охватывают все сферы жизнедеятельности людей, то вторые связаны в основном лишь с поддержанием общественного порядка. И это в принципе верно. Однако надо иметь в виду, что на практике обязанности незримо «сопровождают» все права, корреспондируя им в соответствующих правоотношениях, то есть в процессе реализации. Иначе права могут превратиться в «пустой звук». Ведь обязанности – способ обеспечения прав. Одно выступает гарантией другого. Это парные взаимозависимые категории. Любое нарушение прав и свобод гражданина всегда является следствием несоблюдения кем-то своих обязанностей.

Это, конечно, не значит, что в том или ином нормативном акте «в паре» с каждым конкретным правом непременно должна фигурировать обязанность – чаще всего она просто подразумевается. В литературе высказано мнение, что «одной из гарантий прав и свобод является их уравновешенность таким же числом обязанностей» [55, с. 49]. Желание понятно, но практически неосуществимо. Да это и не нужно. Ведь, как уже говорилось, огромная масса прав и обязанностей постоянно возникает и прекращается вместе с возникновением и прекращением бесчисленного множества конкретных правоотношений. Это вытекает из предоставительно-обязывающего характера правовой нормы. Все обязанности в Конституции не перечислишь и система их не должна копировать один к одному систему прав. Но наиболее важные, социально значимые обязанности полезно было бы закрепить в главном Законе страны, дабы граждане лучше их знали и строго соблюдали. Правосознанию общества это не повредит.

Иногда говорят, что слишком большой перечень обязанностей – признак тоталитарного государства. Отчасти это так. В то же время без обязанностей, как было показано выше, не может обойтись ни одно «нормальное» общество, и объем их зависит от многих причин: национальных традиций, развитости демократии, уровня политической и правовой культуры, состояния законности, правопорядка, дисциплины. Нельзя считать серьезным аргументом мнение, согласно которому обязанности не заслуживают особого внимания, так как они молчаливо признаются при перечислении прав.

В конкретных обстоятельствах современной России (слабая управляемость, разболтанность, беспределы) в целях усиления организующих начал обязанности граждан можно было бы, на наш взгляд, существенно расширить и привести их в более гармоничное сочетание с правами. Между этими двумя полюсами не должно быть резких расхождений. Важно помнить, что и то, и другое выступают важнейшими элементами демократии.

Следует, на наш взгляд, поддержать предложение зав. кафедрой конституционного права юрфака МГУ С.А. Авакьяна усилить фундамент нашей Конституции хотя бы такими постулатами, как «гражданство обязывает», «собственность обязывает», «совесть обязывает», «долг перед государством, обществом, окружающими согражданами обязывает». По поводу патриотизма он оговаривается, что боится обвинений в национализме, и «удушении» свободы, в то время как, замечает ученый, свободой злоупотребляют как раз те, кто зачастую думает не о личности, а о том, чтобы пробить свой приход во власть. Вот с такими канонами, делает вывод автор, и должна развиваться далее конституционно-политическая система России [56]. Добавим, что в прессе вносились так же предложения закрепить в Конституции обязанность гражданина трудиться. Или тезис о том, что труд – это не только право, но и обязанность. Однако

наша «прогрессивная демократическая общественность встретила данное предложение в штывы – дескать опять «принудиловка». Но ведь записано же в Конституции РФ, что воспитание детей – не только право, но и *обязанность* родителей (ст. 38). Разве это «принудиловка»?

Подобно основным правам, следует различать обязанности *человека* и обязанности *гражданина*, потому что далеко не все люди имеют статус гражданства какого-либо государства (например, апатриды). Лиц без гражданства в мире – тысячи. Их обязанности являются обязанностями человека, но не являются обязанностями гражданина, они носят не юридический, а общесоциальный, моральный характер. «Обязанности человека существуют не в силу их государственного признания и конституционного закрепления, а связаны с самим актом общественного бытия человека. Но в государственно организованном обществе в силу их официального признания они выступают в правовой оболочке в качестве обязанностей гражданина» [33, с. 127, 128].

Однако все это, скорее, формальные моменты. Если же брать проблему в целом и в принципиальном плане, то ясно, что современное российское общество, как никогда, нуждается в наведении должного порядка, организованности, дисциплины; соблюдении всеми субъектами своих обязанностей, требований юридических и моральных норм, законов; повышении политической и правовой культуры, ответственности.

В нашей прессе, хотя и в ироничной форме, была высказана здравая мысль: «В США объектом постоянного внимания является всемирно известная статуя Свободы. Для американцев она стала символом демократии. А в России было бы правильным в возможно короткие сроки приступить к сооружению статуи Ответственности. Именно так должен выглядеть наш символ демократии» (Известия. 1999. 30 дек.). Говорят, в каждой шутке есть доля правды.

Библиография:

1. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993.
2. Солженицын А.И. Россия в обвале. М.: Рус. путь, 1998.
3. Кончаловский А.С. Разговор о прогрессе и культуре // Российская газета. 2010. 4 августа.
4. Шифровка от Кончаловского // Российская газета. 2015. 9 апреля.
5. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. М.: Эксмо, 2006.
6. Локк Д. Избр. философские произведения в 2-х т. М., 1960. Т. 2.
7. Абдулатипов Р. Культурная повестка России // Российская газета. 2014. 15 января.
8. Ильин И.А. Порядок или беспорядок? М.: Народное право, 1917.
9. Прощание с красным человеком. Интервью с Алексиевич С.-Блог Яковлевой Е. // Российская газета, 2013. 11 сентября.
10. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 год // Российская газета. 2015, 7 мая.
11. Виг Й. Соотношение прав и обязанностей человека и проблемы преступности // Государство и право. 1995 № 7.
12. Ключевский В.О. Собр. соч. в 9 т. М.: Мысль, Т. 9. 1990.

13. Цицерон. Об обязанностях. СПб., 1903.
14. Бойко А.И. О естественности правовых обязанностей и некорректности возвеличивания субъективных прав // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1.
15. Черноморец Е.А. Корреспонденция прав и обязанностей граждан и государства в категории «свобода» // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1.
16. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007.
17. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе России. М.: Юридическая литература, 2005.
18. Вопросы теории юридических обязанностей: тезисы II межвуз. науч. конф. молодых ученых-юристов. Отв. за вып.: Ефанова В.А., Мотовиловкер Е.Я.-Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1988.
19. Порядок во власти-порядок в стране. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета, 1997, 7 марта.
20. Виноградов П.Г. Очерки по теории права. М.: Скл. изд.: т-во А. А. Левенсон, 1915.
21. Коркунов Н.М. Лекции по теории права. СПб. 1909.
22. Бернацкий Г.Г. Что является высшей ценностью в обществе и государстве? // История. Право. Политика. 2011. № 2.
23. Бюхнер-Удер В. Права человека: Утопия или реальность? (Пер с нем. Е.М. Щуко) М.: Знание, 1985.
24. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Отв. ред. Щипанов И.Я.-М.: Государственное издательство политической литературы. 1951.
25. Монтескье Ш. Избранные произведения. Под общ. ред. Баскина М.П.-М.: Госполитиздат, 1955.
26. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. (Пер. с фр. Краснокутского В., Сыромятникова Б., Ященко А.). М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1908.
27. Алексеев Н.Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
28. Герваген Л.Л. Обязанность как основание права. СПб.: Тип. ж. д. изд. А. Ф. Шгольценбурга, 1908.
29. Пуфендорф С. Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному. Пер с нем. СПб. 1726.
30. Цицерон. Об обязанностях. СПб., 1903.
31. Гоббс Т. О гражданине. Избранные произведения. М., 1960.
32. Эбзеев Б.С. Конституция. Демократия. Права человека. Москва-Черкесск: АО «ПУЛ», 1992.
33. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007.
34. Гукасян Р.Е. Концепция слияния прав и обязанностей и административно-командные методы управления // Советское государство и право. 1989. № 7.
35. Теория государства и права / под ред. П.С. Ромашкина, М.С. Строговича, В.А. Туманова. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
36. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2. Т. 21.
37. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.
38. Капустин М. Общая теория права. Догматика. М., 1868.
39. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1.
40. Тарусина Н.Н. Субъективное право – юридическая обязанность? // Философские проблемы субъективного права: тез. докл. Ярославль, Изд-во Яросл. ун-та, 1990.
41. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.
42. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: в 5 т. М., 1957. Т. 3.
43. Гегель. Работы разных лет: в 2 т. М., 1973. Т. 2.
44. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права, Саратов: СГАП, 2004.
45. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991.
46. Байниязов Р.С. Правосознание и правовой менталитет в России. Саратов: СЮИ МВД России, 2001.
47. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общая теория права. М., 1916.
48. Эсмен А. Общие основания конституционного права. СПб., 1909.
49. Снежко О.А. Конституционные обязанности российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 2.
50. Мартышин О.В. Политические обязанности // Государство и право. 2000. № 4.
51. Денисова Г.Д. Конституционные обязанности государства: понятие, история развития, проблемы и перспективы реализации // Журнал Воронежского госуниверситета. 2011. № 1(24).
52. Сорокин П.А. Обязанности власти и обязанности гражданина // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 3.
53. Кудрявцев В.Н., Васильев А.М. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. 1985. № 7.
54. Законодательный дисбаланс / Под ред. И. Н. Сенякина. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. юр. акад.» 2013.
55. Лайтман В.И., Щербакова Н.В. Коллизии в конституционном законодательстве России и пути их устранения // Юридические записки Ярослав. ун-та. Ярославль, 1997. Вып. 1.
56. Авакьян С. А. Об эталонах и обязанностях для государства, общества и объединений. Как упрочить конституционный строй России // НГ-Политика, 2015, 17 февр.

References (transliterated):

1. Il'in I.A. O sushchnosti pravosoznaniya. M.: Rarog', 1993.
2. Solzhenitsyn A.I. Rossiya v obvalе. M.: Rus. put', 1998.

3. Konchalovskii A.S. Razgovor o progresse i kul'ture // Rossiiskaya gazeta. 2010. 4 avgusta.
4. Il'in I.A. Pochemu my verim v Rossiyu. M.: Eksmo, 2006.
5. Lokk D. Izbr. filosofskie proizvedeniya v 2-kh t. M., 1960. T. 2.
6. Abdulatipov R. Kul'turnaya povestka Rossii // Rossiiskaya gazeta. 2014. 15 yanvarya.
7. Il'in I.A. Poryadok ili besporyadok? M.: Narodnoe pravo, 1917.
8. Vig I. Sootnoshenie prav i obyazannosti cheloveka i problemy prestupnosti // Gosudarstvo i pravo. 1995 № 7.
9. Klyuchevskii V.O. Sobr. soch. v 9 t. M.: Mysl', T. 9. 1990.
10. Tsitseron. Ob obyazannostyakh. SPb., 1903.
11. Boiko A.I. O estestvennosti pravovykh obyazannosti i nekorrektnosti vozvelichivaniya sub'ektivnykh prav // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2004. № 1.
12. Chernomoretz E.A. Korrespondentsiya prav i obyazannosti grazhdan i gosudarstva v kategorii «svoboda» // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2004. № 1.
13. Ebzeev B.S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitutsionnye obyazannosti. M.: Norma, 2007.
14. Ebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossii. M.: Yuridicheskaya literatura, 2005.
15. Vinogradov P.G. Ocherki po teorii prava. M.: Skl. izd.: t-vo A. A. Levenson, 1915.
16. Korkunov N.M. Lektsii po teorii prava. SPb. 1909.
17. Bernatskii G.G. Chto yavlyaetsya vysshei tsennoy v obshchestve i gosudarstve? // Istoriya. Pravo. Politika. 2011. № 2.
18. Byukhner-Uder V. Prava cheloveka: Utopiya ili real'nost'? (Per s nem. E.M. Shchuko) M.: Znanie, 1985.
19. Montes'k'e Sh. Izbrannye proizvedeniya. Pod obshch. red. Baskina M.P.-M.: Gospolitizdat, 1955.
20. Dyugi L. Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva. (Per. s fr. Krasnokutskogo V., Syromyatnikova B., Yashchenko A.). M.: Izd. T-va I.D. Sytina, 1908.
21. Alekseev N.N. Obyazannost' i pravo // Russkii narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 1998.
22. Gervagen L.L. Obyazannost' kak osnovanie prava. CPb.: Tip. zh. d. izd. A. F. Shtol'tsenburga, 1908.
23. Pufendorf S. Ob obyazannostyakh cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu. Per s nem. SPb. 1726.
24. Tsitseron. Ob obyazannostyakh. SPb., 1903.
25. Gobbs T. O grazhdanine. Izbrannye proizvedeniya. M., 1960.
26. Ebzeev B.C. Konstitutsiya. Demokratiya. Prava cheloveka. Moskva-Cherkessk: AO «PUL», 1992.
27. Ebzeev B.S. Lichnost' i gosudarstvo v Rossii: vzaimnaya otvetstvennost' i konstitutsionnye obyazannosti. M.: Norma, 2007.
28. Gukasyan R.E. Kontseptsiya sliyaniya prav i obyazannosti i administrativno-komandnye metody upravleniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1989. № 7.
29. Marks K., Engel's F. Cochineniya. Izdanie 2. T. 21.
30. Tikhomirov L.A. Monarkhicheskaya gosudarstvennost'. CPb., 1992.
31. Kapustin M. Obshchaya teoriya prava. Dogmatika. M., 1868.
32. Petrazhitskii L.I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei nravstvennosti. CPb., 1909. T. 1.
33. Tarusina N.N. Cub'ektivnoe pravo – yuridicheskaya obyazannost'? // Filosofskie problemy sub'ektivnogo prava: tez. dokl. Yaroslavl', Izd-vo Yarosl. un-ta, 1990.
34. Vitruk N.V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti. M.: Norma, 2008.
35. Plekhanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedeniya: v 5 t. M., 1957. T. 3.
36. Gegel'. Raboty raznykh let: v 2 t. M., 1973. T. 2.
37. Tsybulevskaya O.I. Nравstvennye osnovaniya sovremennogo rossiiskogo prava, Saratov: SGAP, 2004.
38. Novgorodtsev P.I. Ob obshchestvennom ideale. M.: Pressa, 1991.
39. Bainiyazov R.C. Pravosoznanie i pravovoi mentalitet v Rossii. Caratov: SYul MVD Rossii, 2001.
40. Kistyakovskii B.A. Cotsial'nye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchaya teoriya prava. M., 1916.
41. Esmen A. Obshchie osnovaniya konstitutsionnogo prava. CPb., 1909.
42. Snezhko O.A. Konstitutsionnye obyazannosti rossiiskogo gosudarstva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2002. № 2.
43. Martyshin O.V. Politicheskie obyazannosti // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 4.
44. Denisova G.D. Konstitutsionnye obyazannosti gosudarstva: ponyatie, istoriya razvitiya, problemy i perspektivy realizatsii // Zhurnal Voronezhskogo gosuniversiteta. 2011. № 1(24).
45. Sorokin P.A. Obyazannosti vlasti i obyazannosti grazhdanina // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. 1998. № 3.
46. Kudryavtsev V.N., Vasil'ev A.M. Pravo: razvitie obshchego ponyatiya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1985. № 7.
47. Laitman V.I., Shcherbakova N.V. Kollizii v konstitutsionnom zakonodatel'stve Rossii i puti ikh ustraneniya // Yuridicheskie zapiski Yaroslavl. un-ta. Yaroslavl', 1997. Vyp. 1.
48. Avak'yan S. A. Ob etalonakh i obyazannostyakh dlya gosudarstva, obshchestva i ob'edinenii. Kak uprochit' konstitutsionnyi stroi Rossii // NG-Politika, 2015, 17 fevr.